

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ Ю. ХАБЕРМАСА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

Б. МЕЛКЕВИК**

Мелкевик Бьярн, профессор
Университета Лавалья (Канада)

Автор статьи предлагает анализ коммуникативной модели немецкого философа Юргена Хабермаса в перспективе ее применения к юридическим наукам. Хабермасу удалось выделить важные аспекты нормативной науки, и его модель может помочь ученым-юристам в размышлении о процессах, присущих обоснованию и оценке любой правовой системы, достойной такого имени. Во-первых, автор анализирует коммуникативную модель, останавливаясь на аспектах, имеющих значение для модели юридической науки. Коммуникативную модель можно охарактеризовать как построенную на идеале интересубъективности. Традиционная фигура субъекта познания, стоящая перед объектом познания, устраняется в пользу интересубъективного отношения. Эта модель ставит интересубъективное взаимодействие в научные рамки, с позиции которых могут быть проанализированы результаты социального действия. Коммуникативная модель заставляет нас понимать

право в свете рациональности, способной мобилизоваться для формулирования правовых требований. Затем автор рассматривает понятия рациональности и методологии. Коммуникативная модель Хабермаса не рассматривает вопрос разума и рациональности в соответствии с перспективой, унаследованной от Просвещения, т. е. как установление абсолютной причины, по отношению к которой мы должны вести себя дедуктивным или индуктивным способом. Наоборот, Хабермас предлагает нам понимание рациональности через отношение к миру, подразумеваемому в перформативных установках. В заключение автор предполагает, что коммуникативная модель позволяет приблизиться к процедурной концепции. Эта концепция заменяет вопрос о природе права (и, следовательно, вопрос о предполагаемой сущности права) вопросом о том, что «требует право». Другими словами, весомость значения права перемещается в сторону актуализации межсубъектных отношений. Таким образом, право представляет собой коллективный выбор или

* Пер. с фр. Е. Г. Самохиной (ya.samohina@gmail.com). Оригинал опубликован в: *Melkevik B. Le modele communicationnel en science juridique: Habermas et droit // Melkevik B. Horizons de la philosophie du droit. Quebec, 2004. P. 93–106.*

** Melkevik Bjarne — Titular Professor of Laval University (Quebec, Canada).

E-mail: Bjarne.Melkevik@fd.ulaval.ca

© Melkevik B., 2004

© Самохина Е. Г., перевод на русский язык, 2017

даже социальный выбор, основанный на дискурсе, существующем между всеми вовлеченными субъектами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия права, общая теория права, юридические науки, Юрген Хабермас, Хабермас и право, коммуникативная теория права.

MELKEVIK B. COMMUNICATIVE MODEL OF J. HABERMAS IN LEGAL SCIENCE

In this article, the author proposes an analysis of the German philosopher Jürgen Habermas' communicational model in terms of its application to the legal sciences. Habermas succeeded in specifying the significant aspects of a normative science and his model can help legal scholars in reflecting on the processes inherent in the justification and evaluation of any legal system worth to be called like this. In the first place, the author analyzes the communicative model by emphasizing the aspects relevant to a legal science model. The author characterizes the communicative model as established on the ideal of intersubjectivity. Thus, the traditional figure of a subject of knowledge in relation to an object of knowledge is eliminated in favor of the intersubjective relation. This model puts intersubjective interaction into the scientific framework within which the results of the social action can be analyzed. The communicative model makes us considering law in the light of rationality that can be mobilized to articulate legal requirements. Then the author examines the concepts of rationality and methodology. It must be emphasized that Habermas' communicative model does not conceive the issue of reason and rationality according to the perspective inherited from the Enlightenment, that is to say, as establishing an absolute reason in relation to which we must behave in a deductive or inductive way. On the contrary, Habermas proposes to conceive the rationality through relation to the world implied in performative attitudes. The author concludes by proposing that the communicative model make it possible to approach a procedural concept. This concept replaces the question of the nature of law (and, thus, a question of the presumed substance of law) with the question relating to «what is required by law». In other words, the weight of the meaning of law is shifted towards the actualization of intersubjective relations. Therefore, law represents a collective choice, or rather a social choice, based on a discourse between all the subjects concerned.

KEYWORDS: philosophy of law, general theory of law, legal sciences, Jürgen Habermas, Habermas and law, communicative theory of law.

В последние годы мы наблюдали значительное восстановление практической философии. Бесчисленны работы, которые в рамках этого нового интереса пытаются понять смысл и цель мира, где «действие» стало ведущей парадигмой. С одной стороны, мы являемся свидетелями отказа, или по крайней мере отдаления, от утилитаристской или эмпирической мысли, доминировавшей в правовом и политическом мире; а с другой — мы можем увидеть новую озабоченность беспрецедентными нормативными проблемами, с которыми сталкиваются современные нам плюралистические общества. Перед лицом кризиса рациональности, вездесущности технократической модели, отказа от мер ценностей среди прочего необходимость практической философии утверждается как ключевое условие противостояния нормативным вопросам нашей современности. Мы считаем, что юридическая наука может многому научиться из этого возрождения практической философии. Напомним в связи с этим, что право традиционно считается частью практической философии. Таким образом, правовая наука, которая

тоже сталкивается с нормативными проблемами нашего общества, должна спросить себя, способны ли научные модели, структурирующие ее толкование права, ответить на эти новые вызовы.

Немецкий философ Юрген Хабермас сыграл ведущую роль в реабилитации практической философии. В частности, он разработал модель научности, вызвавшую возрастающий интерес среди юристов, в первую очередь среди социологов права, а в последнее время — среди юристов, изучающих методологические и эпистемологические проблемы. Таким образом, мы полагаем, что если обратиться к сердцу этих методологических и эпистемологических проблем, то рассуждение об обоснованности используемой нами методологии и эпистемологии может получить новые смыслы через апеллирование к идеям Юргена Хабермаса.

Поэтому мы предлагаем проанализировать, интерпретировать и оценить коммуникативную модель Хабермаса с точки зрения ее применения к юридической науке. Наша гипотеза состоит в том, что Хабермас лучше, чем кто-либо, знал, как понять важные аспекты юридической науки, и что его модель может помочь в наших размышлениях о процессе обоснования и оценки, присущих любой правовой системе, достойной этого названия. Поэтому наш интерес будет сосредоточен в первую очередь на полезности и актуальности коммуникативной модели как практической теории права, и нам придется оставить в тени несколько правовых вопросов, которые мы рассмотрим в другом контексте.

Прежде чем обратиться к нашей теме, мы хотели бы кратко рассказать о философе Юргене Хабермесе. Хабермас в настоящее время является ведущей фигурой немецкой философии, и его идеи завоевали внимание мировой аудитории как в Северной Америке, так и в Европе. Первоначально он считался наследником франкфуртской школы — он также был ассистентом Адорно, но вскоре к гегельяно-марксистскому и фрейдистскому настроению его ранних работ была добавлена аналитическая философия языка, социология и этическая рефлексия. С конца 1970-х гг. в идеях Хабермаса наметился поворот к теории действия, и в этом плане он дал дальнейшее развитие модели коммуникативной научности. Его самыми нашумевшими работами последних лет являются «Теория коммуникативного действия», «Мораль и коммуникация» и «Философский дискурс современности»¹; их анализом мы и ограничимся в этой статье.

Коммуникативная модель Хабермаса была разработана в диалоге с мыслителями из самых разных слоев. Поэтому можно считать указанную модель результатом диалога с такими философами, как Витгенштейн, Остин, Хэйр и Тулмин по поводу теоретизирования этического языка; Лоренцен и Швеммер (Эрлангенская школа) — по поводу теории intersubjectivity; с Хаимом Перельманом — по поводу риторической теории в праве и т. д. Таким образом, диалогический характер мысли Хабермаса, которая устанав-

¹ *Habermas J.*: 1) *Le discours philosophique de la modernité. Douze conférences.* Paris, 1985; 2) *Morale et communication.* Paris, 1985; 3) *Théorie de l'agir communicationnel.* 2 tomes. Paris, 1987; *Logique des sciences sociales et autres essais.* Paris, 1987.

ливаает свое теоретическое превосходство в открытой перспективе, и синтетический характер творчества философа иногда затрудняют прочтение его идей для иностранного читателя в части предположений относительно этих диалогов и теоретических предпосылок, подразумеваемых в них.

В первой части этой статьи мы рассмотрим коммуникативную модель Хабермаса, опишем характерные черты этой модели, выделяя аспекты, которые могут служить в качестве модели правовых исследований. Во второй части будет дана более подробная оценка различным аспектам этой модели, важным с нашей точки зрения для юридической науки. Таким образом, мы исследуем коммуникативную модель на предмет концепции рациональности, передаваемой ею. Затем рассмотрим методологию. Два последних аспекта касаются главных проблем современной юридической науки, и в заключение нам хотелось бы исследовать природу юридической модели, которая наилучшим образом отвечает требованиям современного общества.

1. Коммуникативная модель Хабермаса. В первую очередь мы хотим определить характерные черты модели коммуникативной научности Хабермаса. Выбранная нами перспектива поставит предстоящее исследование на позицию юридической науки.

Коммуникативная модель может быть охарактеризована как построенная на идеале интересубъективности, поэтому особенностью здесь является наличие отношений одного субъекта с другим. Традиционная фигура субъекта познания, стоящая перед объектом познания, устраняется в пользу интересубъективного отношения. Эта модель ставит интересубъективное взаимодействие в научные рамки, с позиции которых могут быть проанализированы результаты социального действия. Поэтому критерий интересубъективности можно охарактеризовать как научный идеал, служащий для приведения в движение научного исследования и для нахождения процедуры, гарантирующей его достоверность.

Чтобы понять место привязки этого критерия интересубъективности, необходимо найти его место относительно того, что составляет состояние его возможности, т. е. относительно философии языка. Действительно, критерий интересубъективности понимается в контексте языковой коммуникации между говорящим и слушателем. По словам Хабермаса, есть два способа использования языка: 1) когнитивное использование, характеризующееся наличием говорящего, вступающего в «коммуникацию» со слушателем «по поводу» чего-то, т. е. когда говорящий выражает то, что он хочет сказать; 2) коммуникативное использование, характеризующееся конструкцией, с помощью которой говорящий вступает во взаимодействие со слушателем на основе общего понимания ситуации. Эти две модели устанавливают два различных отношения по поводу каких-то вещей или ситуаций в мире. Тот, кто хочет «сказать что-то кому-то», на самом деле принимает объективированную установку в том плане, что он предполагает наличие отношения между тем, что сказано о вещах, и самими вещами, как они себя утверждают. Напротив, в том случае, когда он принимает коммуникативную установку, он входит в сферу взаимного понимания языка, в которой язык используется для того, чтобы разделить что-то «с» кем-то другим. Хабермас объясняет этот вид

использования следующим образом: «Тот же, кто участвует в процессах коммуникации, что-либо говоря и понимая то, что говорится — будь то переданное мнение, произнесенное утверждение, данное обещание или отданный приказ; будь то выражаемые намерения, желания, чувства или настроения, — тот всегда должен принимать перформативную установку»².

Хабермас подчеркивает здесь нахождение говорящего в перформативном измерении в рамках коммуникативного взаимодействия: перспектива взаимного понимания координирует проекты при помощи того факта, что необходимо прислушиваться друг к другу по поводу чего-то, что существует в мире, в конкретной ситуации. Коммуникативная установка, перформативным образом включая субъекта в свою установку по отношению к другому субъекту, разрушает обращение к объективизации по отношению к другому как объекту. Кроме того, коммуникативная установка проецирует вопрос о научности «на структуру, определенную системой взаимно пересекающихся перспектив ораторов, слушателей и присутствующих, которые еще не участвуют во взаимодействии»³.

Мы вернемся позже к тому, что это означает в качестве парадигмы толкования права, а сейчас просто повторим, что Хабермас заменяет научную модель познания объектов моделью понимания, существующей между субъектами, способными говорить и действовать. Таким образом, факт наличия способности говорить и действовать в обществе наделяет нас коммуникативной компетенцией, которая подтверждает коммуникативный характер нашего мира, переживаемого совместно.

Поэтому давайте определим направление, в котором нас уводит Хабермас. Он заставляет нас думать, что говорящий и слушатель устанавливают смысл на основе того, что составляет их совместно переживаемый мир. Таким образом, вопрос о смысле, без которого не существует научности, по существу является вопросом intersубъективной коммуникации. Поэтому такая коммуникация утверждает смысл, а также соответствующую ему рациональность с позиции, которая одновременно основывается на чем-то существующем в социальном мире как на совокупности легитимно установленных межличностных отношений, и на чем-то, что существует в субъективном мире говорящего и слушателя как на совокупности субъективных, проявляемых переживаний, к которым говорящий имеет привилегированный доступ. Важность этого смысла состоит в том, что субъекты устанавливают его коммуникативно как укорененный в их образе жизни.

Давайте сделаем еще один шаг и спросим себя, что является результатом всего этого в связи с критерием intersубъективной научности. Сначала послушаем Хабермаса: «Перформативная установка позволяет взаимно ориентироваться на те притязания на действительность (в отношении истинности, нормативной правильности, правдивости высказывания), которые говорящий выдвигает в ожидании приятия или неприятия со стороны слушателя. Эти притязания вызывают на критическую оценку,

² Habermas J. *Morale et communication*. P. 46.

³ Habermas J. *Le discours philosophique de la modernité*. Douze conférences. P. 351.

чтобы intersубъективное признание того или иного из них могло послужить основанием для рационально мотивированного консенсуса. Общаясь друг с другом в перформативной установке, говорящий и слушатель участвуют в то же время и в выполнении тех функций, благодаря которым в ходе их коммуникативных действий воспроизводится и общий для них обоих жизненный мир»⁴.

В модели коммуникации Хабермаса говорящий и слушатель неявно приписывают всем утверждениям ассерторическое требование действительности. Таким образом, хотя каждый говорящий и слушатель стремятся к достижению взаимопонимания в практических ситуациях, чтобы координировать свои взаимные действия, они должны выдать притязания на действительность, соответствующие каждой категории утверждения. Мы предлагаем здесь классифицировать перформативные утверждения, с одной стороны, относительно их прагматической функции, т. е. как типы отношения к миру, а с другой — по их требованию действительности:

(1) «Констативные» речевые акты, т. е. утверждающие, предлагающие, определяющие что-то; к ним предъявляется требование действительности, относящееся к порядку истины.

(2) «Нормативные» речевые акты, т. е. предписывающие, обещающие, регулирующие; к ним предъявляется требование действительности, относящееся к порядку справедливости или легитимности.

(3) «Экспрессивные» речевые акты, т. е. выражающие чувства, настроения и вкусы; к ним предъявляется требование действительности, относящееся к порядку искренности или подлинности.

Три требования действительности соответствуют когнитивным, практическим и выразительным функциям рациональности, объединенным в сознании актора, способного использовать всю систему отношений с миром и требований действительности для координации коммуникации. В модели коммуникации субъект может рефлексивно различать три типа отношений в мире и выбрать один из них, наиболее подходящий в данной ситуации, чтобы интерпретировать ситуацию и выработать ее определение, которое может быть принято всеми. Таким образом, коммуникативная модель является инструментом для декодирования и расшифровки потенциального значения, передаваемого языком, и, следовательно, для возможности судить.

Чтобы лучше понять, как эта модель коммуникации может составить теорию суждения, мы должны вернуться к процедуре проверки высказываний через их требования действительности. Способ проверки утверждения будет состоять в отображении и четком тематизировании присущих ему требований или требований действительности, чтобы иметь возможность продемонстрировать легитимность в дискурсе. Констативные утверждения пройдут проверку в теоретических дискурсах, нормативные утверждения — в практических дискурсах, в то время как экспрессивные утверждения будут подтверждаться соответствием действий пропозицио-

⁴ *Habermas J. Morale et communication. P. 46.*

нальному содержанию утверждения. Поэтому теоретические и практические дискурсы выступают в роли инстанции для формулирования суждения, целью которой станет рациональный консенсус, построенный на обоснованных аргументах. Дискурс, выступающий в качестве судебной инстанции, получит только одну легитимную процедуру для установления консенсуса: для получения суждения о действительности утверждения будет использоваться только сила наилучшего аргумента. Таким образом, Хабермас хочет устранить проникновение в аргументацию консенсусов, достигнутых посредством компромисса, игры влияния, отношения политической силы, принуждения, манипуляции и т. д.

Однако цель этого коммуникативного суда заключается не в том, чтобы указать конкретный способ организации наших действий или наших учреждений; напротив, его процедура гарантирует, что любая позиция, которая сможет строиться на обоснованных доводах, будет иметь право на жизнь и возможность вступать в диалог, чтобы показать себя в выгодном свете на базе поиска консенсуса, основанного на дискурсе. Задача дискурса состоит в том, чтобы учесть позиции всех заинтересованных сторон при оценке конкретной ситуации. Но это, конечно же, идеал Хабермаса, и он первым признает, что эмпирическая реальность часто далека от соответствия описанию, представляемому в дискурсах. Тем не менее предложенный идеал служит для конкретной оценки и критики повседневных практик; он является критической инстанцией, которая должна служить для проверки наших все еще несовершенных практик и для их пересмотра. Именно благодаря этому идеалу можно утверждать, что любой человек способен обоснованно оспаривать допущения, на которых основаны институциональные механизмы, управляющие обществом, с тем чтобы подвергнуть сомнению их достоинства. Таким образом, эта коммуникативная модель наделяет как традицию, так и разум ролью критики традиций.

Несмотря на слишком сжатый характер нашей работы, которая, к сожалению, не позволяет полностью развернуть насыщенные идеи Хабермаса, мы хотим сделать два вывода из сказанного: прежде всего, мы хотим вернуться к нормативной базе, а затем — к процедурному характеру этой коммуникативной модели.

(1) Коммуникативная модель является нормативной моделью в том смысле, что она дает нам нормы коммуникативного действия. Смысл нормативной модели состоит в том, чтобы обратиться к нашей «обязанности» нести ответственность, которая возлагается на научную позицию по отношению к сложности мира действий.

(2) Коммуникативная модель является процедурной моделью, поскольку она дает нам процессуальные критерии для суждений и оценки коммуникативных действий. Процедурная модель не представляет собой само действие, как, например, в шахматной игре, а представляет собой способ представления и рассмотрения формы коммуникативного действия.

2. Право и вопрос рациональности. Коммуникативная модель заставляет нас понимать право в свете рациональности, которая может быть

мобилизована для формулирования правовых требований. Здесь необходимо подчеркнуть, что коммуникативная модель Хабермаса не рассматривает вопрос разума и рациональности в соответствии с перспективой, унаследованной от Просвещения, т. е. как установление абсолютной причины, по отношению к которой мы должны вести себя дедуктивным или индуктивным способом. Эта концепция разума оспаривается Хабермасом как обязательное условие заточения в стерильном монологизме. Наоборот, Хабермас предлагает нам понимание вопроса о рациональности через отношение к миру, подразумеваемому в перформативных установках, которые мы только что проанализировали. Эта перспектива действительно проливает новый свет на вопрос рациональности. Действительно, проблема Хабермаса заключается в том, что вопрос рациональности основывается на различных моделях действий; в выборе, который мы делаем в пользу одного, а не другого типа действий, подразумевается, таким образом, выбор одной рациональности, а не другой. Как только мы поняли, в какой модели действия мы находимся, можно поразмыслить о модели рациональности, которая ей наилучшим образом соответствует; то же касается и права, которое — если попадает в поле действия социального — должно будет выбрать практическую рациональность. Теперь давайте рассмотрим четыре модели действия, а затем перейдем к коммуникативной модели правовой рациональности.

2.1. Модель телеологического действия. Эта модель выступает частью отношений между субъектом и объективным миром; ее парадигмой является научная модель, объективирующая свой объект исследования для создания пропозициональной речи по поводу этого объекта.

2.2. Модель регулируемого действия. Эта модель выступает моделью отношений между субъектом и социальным миром. Социальный мир понимает нормативный контекст, который определяет характер взаимодействий, принадлежащих к корпусу оправданных межличностных отношений. В той степени, в которой субъекты признают этот социальный мир как действительный для них, этот мир налагает на них качество «обязанности». Взаимосвязь между действием и социальным миром может быть тематизирована как нормативная справедливость, или нормативная легитимность.

2.3. Модель драматургического действия. Эта модель выступает моделью отношений между субъектом и субъективным миром. Субъект в своем перформативном действии представляет свой субъективный мир перед аудиторией, состоящей из других субъектов. Под субъективным миром мы подразумеваем совокупность субъективных переживаний, к которым субъект имеет привилегированный доступ. Субъективный мир включает желания, чувства, потребности и т. д., которые субъект может выразить рефлексивно и выборочно представить перед другими. Тип связи между действием и миром имеет порядок искренности; об этой искренности можно судить по соответствию действий субъекта его утверждениям.

2.4. Модель коммуникативного действия. В модели коммуникативного действия субъект должен позиционировать себя по отношению

к трем мирам — объективному, социальному и субъективному — и тем самым координировать модели рациональности, существующие в них.

Хабермас определяет коммуникативную рациональность следующим образом: «Это понятие коммуникативной рациональности несет с собой коннотации, которые в итоге восходят к центральному опыту ненасильственно объединяющей, порождающей согласие силе аргументативной речи, в которой различные участники преодолевают свои первоначально лишь субъективные понимания и благодаря общности разумно мотивированных убеждений одновременно убеждаются в единстве объективного мира и интересубъективной связности их жизни»⁵.

Исходя из этого определения мы делаем вывод о том, что коммуникативная рациональность приводит нас к логике позиционирования, которую можно разделить на две части: во-первых, позиционирование, которое заключается в определении причин, присущих любой коммуникативной деятельности; во-вторых, позиционирование, которое заключается в восстановлении — на основе действительности — понятия рациональности, способной порождать консенсус. Давайте рассмотрим подробнее, в чем состоят эти два аспекта.

Когда дело доходит до определения оснований, присущих коммуникативной деятельности, подразумевается, что притязания на действительность должны подкрепляться аргументами, выносящими на свет основания, которые могут ее поддержать. Хабермас связывает это измерение коммуникативной рациональности с теорией аргументации, которую он описывает следующим образом: «Аргументацией мы называем тип речи, в котором участники тематизируют спорные притязания на действительность и пытаются реализовать или критиковать их с помощью аргументов. Аргумент содержит основания, которые систематически связаны с притязанием на действительность проблематичного выражения. “Сила” аргумента измеряется — в данном контексте — по убедительности оснований; последняя проявляется, среди прочего, в том, может ли аргумент убеждать участников дискурса, т. е. мотивировать к принятию соответствующего притязания на действительность»⁶.

Именно поэтому обязанность поместить себя в отношении объективного, социального и субъективного миров раскрывает здесь возможность оценить основания, которые могут подтвердить их претензии на действительность. Таким образом, вопрос рациональности относится к систематическому контексту притязания на действительность.

Следующий шаг состоит в реконструкции концепции рациональности. Под «реконструкцией» Хабермас понимает комплекс размышлений об основаниях, которые могут поддержать притязания на действительность. Такую реконструкцию можно связать с тем, что три рациональности миров действий подчинены Хабермасом требованию универсальности. Принцип

⁵ *Habermas J. Explications du concept d'activité communicationnelle (1982)* // *Habermas J. Logique des sciences sociales et autres essais. P. 445.*

⁶ *Habermas J. Théorie de l'agir communicationnel. T. 1. P. 34.*

универсальности определяется следующим образом: «Любая общезначимая норма должна удовлетворять фундаментальному условию, чтобы всеми личностями, к которым она имеет отношение, могли быть приняты те прямые и косвенные последствия для осуществления интересов *каждого* индивида, (предположительно) возникающие в результате всеобщего соблюдения данной нормы (и этим последствиям может быть отдано предпочтение перед результатами известных альтернативных возможностей урегулирования интересов)»⁷.

Прежде всего следует отметить, что значение понятия универсальности отличается от его значения в наследии Канта. Далекий от понимания универсальности как монологической связи между утверждением или субъектом и чистой идеей универсальности, которую можно попытаться формализовать при помощи наших слабых человеческих способностей, Хабермас мыслит универсальность скорее в диалогической перспективе, где смысл универсальности связан с требованиями действительности. Вопрос о реконструкции рациональности и понятия универсальности как раз и заключается в том, что рационально обоснованный консенсус зависит от общих интересов всех, кто участвует во всеобщем признании. Таким образом, «критический» момент легитимируется на нормативной основе.

Рассмотрим теперь последствия воздействия этой модели на концепцию рациональности в юридической науке. Первая важная проблема заключается в том, что утверждение о рациональности права присоединяет последнее к теории аргументации, в которой должен преобладать наилучший аргумент. Тем не менее мы показали, что в логике, лежащей в основе теории аргументации, лучший аргумент должен преобладать в той степени, в которой притязание на действительность соблюдается в аргументированном дискурсе. Более того, такой «лучший аргумент» должен подчиняться требованию универсальности. Поэтому право как рациональная деятельность будет подчиняться «правилам речи». Подобная возможность обоснования юридического аргумента, данного нам коммуникативной моделью, уже была поднята в теории юридической аргументации Роберта Алекси, но, на наш взгляд, не исчерпала всех своих богатств.

Более того, модель коммуникативной рациональности также дает нам возможность приблизиться к рациональности как к аргументации с точки зрения социальной сложности. Лучше, чем другие модели теории действия, модель Хабермаса предоставляет нам средства для того, чтобы дистанцироваться от догматизма и формализма, поскольку позволяет дать оценку рациональности аргументов, предполагающую посредничество практического дискурса среди всех участников. Этот процесс, безусловно, лучше всего способен мобилизовать требование рациональности в обществе, подобном нашему, которое характеризуется высокой степенью сложности и где плюрализм стал общей чертой общественной жизни.

3. Право и методология. Теперь рассмотрим вопрос о значении этой коммуникативной модели для юридической методологии. Здесь мы

⁷ *Habermas J. Morale et communication. P. 86–87.*

склоняемся в сторону теории интерпретации, предложенной данной моделью.

Прежде чем перейти к истолкованию источников права как к коммуникативной деятельности, мы хотели бы кратко коснуться монологической модели, противоположной коммуникативной концепции Хабермаса. Последний замечает, что доминирующей моделью в науках о толковании является точка зрения наблюдателя, находящегося в позиции третьего лица по отношению к объекту. Эта интерпретирующая модель ставит вопрос о возможности взаимопонимания, тогда как интерпретация и познание строятся монологическим способом, а значит, изолированным субъектом. Одухотворяющий взгляд интерпретатора реифицирует не только объект, но и интерпретатора, который должен абстрагировать себя и свою ситуацию от своего интерпретирующего действия.

Чтобы выйти из тупика монологической модели, мы должны обязательно переосмыслить роль наблюдателя, реифицирующего свой объект; для права это означает выход из «объективного» исследования о природе права для изучения того, «что требует право». Такая перспектива обязательно подразумевает, что интерпретатор находится в интересубъективной позиции, т. е. является участником, стремящимся высвободить вопрос о действительности, предполагаемый этой позицией. Следовательно, интерпретатор должен с самого начала играть перформативную роль, когда говорящий и слушатель стремятся согласовать заданную ситуацию, чтобы контролировать ее. Целью, конечно же, является создание взаимозависимости между участниками, включающей их в поиски рационально мотивированного соглашения.

Тем не менее теперь мы можем обратиться к вопросу о толковании права, а точнее источников права, как коммуникативной деятельности. Во-первых, следует учитывать, что интерпретатор, принимая участие в коммуникативных действиях, должен принять статус, идентичный статусу, который он хочет понять из утверждений; поэтому необходимо принять во внимание взаимосвязь между говорящим и слушателем, чтобы установить понимание сущности притязаний на действительность, включенных в утверждения. Таким образом, в коммуникативной модели вопрос об интерпретации возникает на двух уровнях: один уровень касается доводов, на которых основываются утверждения, а другой — рациональности, связанной с высказываниями. Чтобы понять первый уровень интерпретации, мы можем обратиться непосредственно к Хабермасу: «Интерпретаторы понимают значение текста лишь в той мере, в какой им удастся постичь, почему автор чувствовал себя вправе высказывать (в качестве истинных) определенные утверждения, признавать (в качестве правильных) определенные ценности и нормы, выражать (в качестве правдивых) определенные переживания либо приписывать их другим. Интерпретаторы должны прояснить тот контекст, который автор, по-видимому, предполагал как общеизвестный для современной ему публики, коль скоро теперешние трудности с этим текстом не проявлялись во времена его написания, во всяком случае с такой настойчивостью. Подобный образ действий основывается

на обнаруживаемой во всех высказываниях имманентной рациональности, с которой интерпретаторы считаются, поскольку они приписывают эти высказывания субъекту, чья вменяемость до поры до времени не вызывает у них сомнений»⁸.

В этом случае интерпретация состоит в первую очередь в понимании высказываний путем осознания доводов, которые автор мог бы представить, чтобы их обосновать. Таким образом, интерпретатор исходит из доводов, делающих, с точки зрения автора, высказывания рациональными; поэтому следует выделить доводы, являющиеся, с точки зрения автора, рациональными аргументами. Здесь смысл в том, что речь или интерпретируемый текст рациональны и что речь или текст обоснованы в той степени, в которой требование рациональности само выступает частью целостной системы ценностей. Хотя с первого взгляда высказывание Хабермаса может создать впечатление об обращении к контекстуальной рациональности, следует понимать, что требование рациональности, о котором здесь идет речь, относится к проблеме рациональности как к соответствующей ценности человека.

Второй уровень интерпретации включает в себя ту же самую интерпретацию доводов, найденных в речи. Это интерпретация самой рациональности доводов: «Доводы могут быть поняты только в той степени, в которой они были приняты всерьез — и оценены в качестве доводов. Поэтому интерпретаторы могут пролить свет на значение какого-нибудь темного выражения только тогда, когда они объяснят, как эта темнота возникла, т. е. почему те доводы, которые мог бы привести автор в своем контексте, для нас уже не столь безоговорочно ясны и убедительны»⁹.

Поэтому оценку доводов следует понимать, обращаясь к универсальной модели предполагаемой рациональности. Таким образом, требования истины, нормативности и искренности могут быть универсальной моделью рациональности в смысле приемлемости для всех в соответствующих условиях.

Теперь рассмотрим применение этой теории в юридической науке.

Юрист, столкнувшись с данной ситуацией, выступает в качестве третьего лица. Он пребывает в качестве интерпретатора мира действий, которые должен понять и в конечном счете оценить. Функция интерпретации для Хабермаса подразумевает, что интерпретатор может идентифицировать и тематизировать доводы, которые автор или говорящий могут выдвинуть для подтверждения своих утверждений. Интерпретатор должен быть способен проявить перформативную установку по отношению к утверждениям, которые ему необходимо понимать: он обязан принять во внимание доводы, поднятые говорящим. Именно это предлагает Хабермас, когда говорит, что в интерпретации смысл и действительность утверждения связаны: чтобы понять смысл утверждения, интерпретатор должен уметь обнаружить неявные притязания на действительность. Интерпретатор должен

⁸ Ibid. P.51.

⁹ Ibid. P.52.

оценить степень рациональности, заключенную в утверждении. Критерий рациональности играет особую роль в этой оценке: именно он является окончательным критерием. Таким образом, мы можем сказать, что коммуникативный довод состоит из трех рациональных частей миров действия, подчиняющихся требованию универсальности.

Коммуникативная модель Хабермаса поднимает вопрос о толковании права путем обращения к модели отношений между утвержденным доводом и оцененной рациональностью. Перспектива утвержденных доводов приводит к толкованию права, основанному во всех его компонентах на восприятии совместно переживаемого мира. Таким образом, это открывает толкование права через его собственные социальные и исторические измерения. При помощи легитимации эта модель открывает лучшее понимание социальной и исторической интерсубъективности. То же самое касается и рациональности субъекта оценки, поскольку любая интерпретация — это оценка, которая придает праву критическую рефлексивность. Поэтому данная модель помогает нам всегда оценивать социальные и исторические измерения речи в перспективе задействованной рациональности. Здесь у нас имеется процедура, показывающая нам, как проводить проверку и оценку, которые позволяют нам ставить себя в такую позицию.

Подобное толкование права дает юристам открытую перспективу права и предпосылок права, поскольку открытие соответствующего права всегда ставит вопрос о теоретическом статусе права как нормативной науки. Похоже, что коммуникативная модель позволяет нам оценивать и обеспечивать теоретический статус права, и это лучше, чем использование в праве междисциплинарности; на самом деле, подобная междисциплинарная модель прежде всего спровоцировала в худшем случае отказ от права, а в лучшем — затемнение правовой перспективы. Эта модель послужила оправданием для использования методов науки наблюдения в праве, что привело к невозможности мышления в рамках нормативного измерения права.

Вывод. Модель Хабермаса приводит нас к образу права, соответствующему процедурной концепции. Она заменяет вопрос о природе права и, следовательно, вопрос о предполагаемой сущности права вопросом о том, что «требует право». Другими словами, мы можем сказать, что весомость значения права перемещается в сторону актуализации межсубъектных отношений. Таким образом, право представляет собой коллективный выбор или даже социальный выбор, основанный на дискурсе, существующем между всеми вовлеченными субъектами. «То, что требует право» как процедура, следовательно, не может быть заранее зафиксированным, но является открытым как в смысле актуальной и исторической социальной ситуации, так и в том смысле, что новые требования, стоящие перед этой ситуацией, требуют нового корня, который может способствовать коммуникативной рациональности, конституирующей право как социально-историческое явление. Процедурная концепция права отнюдь не чужда юристам, если вспомнить, например, знаменитые слова Ульпиана: *ius suum cuique tribuere* (Права воздаяния каждому своего). Здесь мы по-

пытались показать, что теоретические основы процедурной концепции Хабермаса не являются общепринятыми предположениями и богаты новыми перспективами для права и юридической науки.

References

Habermas J. Le discours philosophique de la modernité [The philosophical discourse of modernity]. *Douze conférences [Twelve lectures]*. Paris, Gallimard, 1985. 430 p. (In French)

Habermas J. *Morale et communication [Moral and communication]*. Paris, Cerf, 1985. (In French)

Habermas J. *Théorie de l'agir communicationnel [Theory of communication action]*. 2 tomes, Paris, Fayard, 1987. 448 p. (1 tome), 480 p. (2 tome) (In French)

Habermas J. *Logique des sciences sociales et autres essais [Logic of the social sciences and other essays]*. Paris, PUF, 1987. 462 p. (In French)